

9(C-M)

633 (2-2M)

C 77

**СТАРАЯ
МОСКВА**

1903

86 Пресненское упр.
 87 Проспект Вернадского му
 88 Раменки мун.
 89 Ростокино мун.

мун.
 ний мун.
 мун.
 мун.

Бутово мун.
 Измайлово мун.
 Медведково мун
 Тушино мун.

633(2-2M)
 9(C-M) 512679⁺
 С 77 | Старая
 Москва.

1903

0-50

Издание Д. И. Тимковскаго.

Очерки по русской исторіи для школь и
народнаго чтенія.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтеръ и М. В.
Довнаръ-Запольскаго.

Старая Москва.

КР.

Историческій очеркъ въ двухъ частяхъ

С. К. Шамбинаго.

Центральная городская
Публичная библиотека
им. Н. А. НЕКРАСОВА

МОСКВА

Типографія О. Л. Сомовой. Большая Никитская, д. де-Нормань.

1903-

Дозволено цензурою. Москва, 30 октября 1902 года.

СТАРАЯ МОСКВА.

Лѣтъ триста тому назадъ Москва очень мало походила на ту, которую видимъ мы въ настоящее время. Даже сохранившіяся сооруженія — Кремль, Китай-городъ, мало походили на современные и по окраскѣ стѣнъ, и по виду и формѣ башенъ. Другія стѣны и вовсе уничтожены, срыты. То же самое можно сказать о церквахъ, дворцахъ, частныхъ домахъ: очень немного уцѣлѣло ихъ отъ пожаровъ, вражескихъ нашествій, грубыхъ перестроекъ. Однако, несмотря на тѣ удары, которые испытывала Москва во время своего многовѣкового существованія, много сѣдой старины дошло было до новаго времени. Еще въ XVIII вѣкѣ много сохранялось древнихъ памятниковъ. Но пожаръ 1737 г., происшедшій, по народному выраженію, «отъ копеечной свѣчки», потому что загорѣлось въ церкви, превратилъ Москву въ дымящуюся грудю. Особенно пострадалъ царскій дворецъ, сохранившій до тѣхъ поръ свой древній видъ. Желѣзо съ кровель текло рѣкою, по выраженію современниковъ этого печальнаго событія. Не успѣла поправиться Москва какъ слѣдуетъ, какъ на нее обрушилось другое

бѣдствіе. Пожаръ 1812 года докончилъ почти разрушеніе старины, начатое его предшественникомъ. Подъ зданія Кремля непріателемъ подведены были мины, чтобы взрывомъ докончить разрушеніе. По счастью, взрывъ не удался, и древнѣйшіе памятники сохранились. Поэтому и должны быть особенно дороги для современнаго общества эти уцѣлѣвшіе памятники старины. Ихъ создавали люди, о дѣятельности которыхъ говоритъ намъ исторія. Они, эти памятники, внѣшнимъ видомъ своимъ выражаютъ духъ прошлаго времени, они — живые свидѣтели и славы и бѣдствій. Поэтому и грустны попытки или желанія уничтожить тотъ или другой памятникъ, только, положимъ, для того, чтобы расчистить мѣсто для площади или какого-либо новаго дома. Такія попытки только доказываютъ, что не всё у насъ любятъ и знаютъ исторію, живымъ дополненіемъ которой являются эти немногіе остатки стѣнъ и зданій.

I.

Представимъ себѣ теперь, что мы живемъ не въ настоящее время, а именно — лѣтъ триста тому назадъ. Живемъ мы въ другомъ городѣ, Москвы никогда не видали, но много слышались о красотѣ и обширности царской столицы. Захотѣлось и намъ познакомиться съ Москвою, и вотъ, окончивъ свое путешествіе, мы наконецъ добрались до стольнаго города.

Погодимъ входить въ Москву. Посмотримъ на нее пока издали, съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста. Самое лучшее—изъ села Воробьева, что на крутомъ высокомъ берегу рѣки-Москвы, къ юго-западу отъ города.

Нередъ нами—обшириѣйшій городъ. Кучи крышъ, покрытыхъ тесомъ, дранью, дерномъ, соломой, сливаются вдали въ однообразную пеструю массу, перемежаемую съ цѣлымъ моремъ зелени. То тамъ, то сямъ блестятъ, ярко горя на солнцѣ, безчисленныя золотыя главы церквей, возвышаются въ видѣ шатровъ нестрья, расцвѣченныя красками колокольни, а кое-гдѣ среди садовъ и строеній проглядываютъ ленты каменныхъ стѣнъ, опоясывающихъ городъ. Стѣны эти—то бѣлаго, то краснаго цвѣта.

Иностранцы, издавшіе Москву, говорили, что издали она кажется Іерусалимомъ, а внутри — Виеннеюмъ.

Дѣйствительно, издали Москва казалась гораздо красивѣе и чище, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Въ одной старинной народной пѣснѣ говорится, что красотой Москвы залюбовался даже орелъ:

Смотрить онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея зеленые,
На златой дворецъ стольна города.

Но и внутри Москва была замѣчательнымъ городомъ. Переправимся мы теперь чрезъ рѣку и направимъ путь свой къ городу.

До Москвы еще далеко. На обширной, затопляемой въ половодье равнинѣ, занятой то огородами, то пустырями, поросшими всякой сорной травой, возвышается съ своими крѣпкими стѣнами Новодѣвичій монастырь. Онъ отлично укрѣпленъ валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою; по бойницамъ разставлены пушки. Монастырь превращенъ въ крѣпость для защиты съ этой стороны города отъ набѣга неприятелей; особенно съ юга, откуда обыкновенно нападали на Москву постоянные враги ея — татары, много такихъ монастырей, которые, кромѣ уединеннаго мѣста молитвы, служатъ защитою отъ вражескихъ нашествій. Всѣ они — за Москвой-рѣкой; таковы монастыри Донской, Даниловъ, Андреевскій, Покровскій, Симоновъ, а противъ него — крутицкаго архіерея подворье. Монастыри окружены крѣпкими стѣнами съ башнями по угламъ; посрединѣ возвышается колокольня, имѣющая значеніе еще дозорной башни, и храмъ, большею частью видомъ похожій на четырехугольный ящикъ, съ пятью на немъ башенками, или куполами. Главы башенокъ, крытыя жестью или золоченой мѣдью, ярко горятъ на солнцѣ.

За Новодѣвичьимъ монастыремъ и прилегающими къ нему слободами потянулось опять обширное поле. Пройдя его, мы подойдемъ уже къ предмѣстью Москвы.

II.

Въ началѣ XVII вѣка, въ Москвѣ было много пустопорожныхъ мѣстъ: часть ихъ была, между прочимъ, отдана подъ слободы для стрѣльцовъ, которые въ невоенное время занимались разными ремеслами или торговлей. По именамъ стрѣleckихъ начальниковъ или полковниковъ слободы эти получали свои названія. Какъ разъ—таково предмѣстье, къ которому мы теперь подошли: оно называется—Зубово-Воробино.

Зубово лежитъ еще за чертою города, въ который надо войти черезъ городскія ворота.

Эти ворота находятся въ стѣнѣ, опоясывающей городъ первымъ кольцомъ. Стѣна деревянная и устроена такимъ образомъ: широкіе деревянные срубы, сажени въ три толциною, составлявшіе стѣну, засыпались внутри землей, которая крѣпко убивалась. Такая деревянная стѣна могла выдержать какое угодно сопротивленіе. Стѣна эта украшена множествомъ деревянныхъ башенъ, частью глухихъ, частью съ воротами—проѣздныхъ. Проѣздныя башни всѣ одинаковаго вида, съ трехконечными шатрами наверху. По сказаніямъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву, стѣна эта тянулась верстъ на 25—30 и скружала городъ съ запада, съвера и востока, упираясь своими концами въ Москву-рѣку. То, что въ настоящее время называется Садовой улицей и Землянымъ валомъ,

и есть то мѣсто, гдѣ прежде тянулась эта деревянная ограда. Въ Смутное время поляки сожгли эту стѣну, и царь Михаилъ Ѳедоровичъ уже не возобновлялъ ея, а приказалъ на мѣстѣ стѣны насыпать валь, а вверху его устроить частоколь; отсюда и осталось до сихъ поръ названіе Земляного вала.

За деревянною стѣною городъ носить названіе *Земляного* или *Скородома*. Послѣднее свое названіе онъ получилъ отъ того, что въ немъ, обыкновенно, сгорѣвшіе дома очень скоро замѣняются новыми. Земляной городъ широкимъ поясомъ охватываетъ помѣщающійся въ немъ второй, внутренній кругъ.

Первое впечатлѣніе, вынесенное нами отъ Земляного города, не представляетъ ничего особеннаго. Въ сущности онъ — та же деревня, только несравненно большихъ размѣровъ. Дома въ немъ, большею частью, деревянные, таковы и церкви, хотя иногда встрѣчаются и каменные. Къ виду каменныхъ церквей глазъ скоро привыкаетъ: обыкновенно впереди на улицу стоитъ колокольня, оканчивающаяся шатровымъ каменнымъ верхомъ. Для красоты подъ шатромъ, а то такъ и въ стѣны, вставлены цвѣтные изразцы; на нихъ выведены разные узоры синяго, желтаго или зеленаго цвѣта.

За колокольней, по большей части отдѣльно, стоитъ сама церковь. По виѣшнему виду она таковой же ящикъ, подобный которому мы видѣли въ

церквахъ монастырскихъ, только поменьше величиною. На крышѣ возвышаются тѣ же пять куполовъ, поставленныхъ на особыхъ полукруглыхъ сводахъ—«закомарахъ», по старинному названію, съ главами золочеными, а то и крашеными. Входъ на паперть обставленъ съ боковъ пузатыми низкими колопками, поддерживающими полукруглую провисшую посрединѣ крышу.

Деревянные церкви нѣсколько другого вида: у нихъ и на самой церкви такіе же шатры, какъ въ каменныхъ на колокольнѣ. Главы крыты дранью, «гонтомъ», который, если онъ не выкрашенъ, блеститъ стальнымъ или серебрянымъ блескомъ.

Въ Земляномъ городѣ улицы не мощены; оттого въ разныхъ направленіяхъ глубокія колеи отъ телѣгъ. Въ дождливую погоду грязь непролазная. Не только москвичи, но и москвички принуждены бываютъ всегда ходить въ сапогахъ. Часто бываетъ, что какой-нибудь обыватель въ праздникъ нарядится въ новые сапоги, цвѣтной сафьяной кожи, расшитые узорами, и пойдетъ въ церковь, а во время богослуженія налетитъ лѣтній ливень, тогда — прощай обувь! Трудно уже вновь доставить прежній видъ сапогамъ, какъ ни вытирай ихъ рогожей, всегда предупредительно посланной на крыльцѣ всякаго дома.

Отъ весеннихъ дождей, послѣ снѣга и осенью въ городѣ образовывались цѣлыя болота изъ грязи. Такъ они подолгу и не высыхали, давая названіе цѣлымъ урочищамъ. И до настоящаго вре-

мени сохранились, напр., названія нѣкоторыхъ церквей—«на Грязяхъ».

Встрѣчающіеся намъ на пути дома въ общемъ не отличаются отъ современныхъ деревенскихъ избъ. Смотря по зажиточности хозяина, они то больше, то меньше. У нѣкоторыхъ домовъ, побогаче, устроены фигурные карнизы, рѣзные ставни, расписанныя красками, преимущественно красной и синей. Дома окружены огородами, садиками съ растущими въ нихъ яблонями, рябиной, ягодными кустами. Вообще, улица наоминаетъ весьма близко улицу современнаго села.

Такъ какъ дворы частныхъ владѣльцевъ не одинаковы по площади, ими занимаемой, и примыкаютъ другъ къ другу подъ различными углами, то улицы вообще прямою не отличаются; зато онѣ очень широки, очевидно, въ предупрежденіе отъ частыхъ пожаровъ.

Улицы были бы совсѣмъ просторны и удобны для ѣзды, если бы на нихъ не находилось множества шалашей, мазанокъ, въ которыхъ ютились разные ремесленники. Вотъ направо, на примѣръ, валить дымъ, и слышны удары молота о желѣзо: въ мазанкѣ, середина которой занята печью съ мѣхами, пріютилась кузница. Въ ней производятся необходимыя подѣлки: поправляютъ подковы, подбираютъ новыя къ потеряннымъ, дѣлаютъ на колеса ободья. Вдоль по улицѣ выставленъ цѣлый рядъ ларей, на которыхъ выложены калачи, стоитъ въ кувшинахъ квасъ, сусло или сбитень.

Съ огнемъ вообще не церемонятся. Изъ кухни на улицу валить цѣлый снопъ искръ, загорѣться недолго. И городъ, дѣйствительно, горитъ часто. Нельзя пройти улицы, чтобы не встрѣтить или свѣжаго пожарища, или почему-либо заброшеннаго пустыря, успѣвшаго зарости крапивой и другими сорными травами. На такихъ заброшенныхъ мѣстахъ уже не видно слѣдовъ прежняго разрушенія: среди густой травы пасутся коровы, свиньи, хлопчуть куры.

Если Земляной городъ часто горѣлъ, то онъ быстро и отстраивался. Попробуемъ свернуть немного въ сторону отъ намѣченнаго пути; пройдя нѣсколько улицъ и нереулковъ, намъ встрѣтится цѣлая площадь, сплошь занятая новыми срубями, привезенными для продажи. Лѣсъ — дешевъ; особенно много скарбу жители Земляного города не имѣютъ обыкновенія держать въ домахъ, поэтому постройками не дорожатъ: идутъ на рынокъ и покупаютъ новый домъ. Въ два дня пожарище уже обстроилось: купленный срубъ остается только собрать на новомъ мѣстѣ и проконопатить мохомъ.

Вообще загорѣвшіеся дома не тушатъ водой, если ея не случится подъ руками. Дѣлаютъ прощяе, — разбираютъ кругомъ стоящіе дома и этимъ не даютъ огню пищи. Если вѣтра нѣтъ, пожаръ прекращается скоро.

Земляной городъ, главнымъ образомъ, представляетъ мѣстожителство разныхъ мелкихъ ремесленниковъ. Въ разныхъ мѣстахъ его цѣлыми сло-

бодами живутъ серебрянники, каменчики, гончары, овчинники. Каждая слобода имѣетъ свою особую церковь, около которой, обыкновенно, находится кладбище, гдѣ хоронятся прихожане.

Существуютъ особыя площадки или рынки. Мы видѣли одинъ такой, гдѣ торгуютъ домами; въ другихъ мѣстахъ на площадкахъ торгуютъ лошадами, коровами, бигой скотиной. Много до настоящаго времени сохранилось названій всѣхъ этихъ мѣстъ, хотя городъ, перестраиваясь, уже давно перемѣнилъ расположеніе площадей и улицъ.

Кромѣ того, много мѣста въ Земляномъ городѣ отведено подъ боярскіе огороды. Они разводятся на жалованной землѣ. Земляной городъ считался какъ бы пригородомъ Москвы, поэтому боярскіе дворы, находящіеся на этой жалованной землѣ, носятъ названіе загородныхъ.

Между тѣмъ улица, по которой мы держимъ путь, начинаетъ замѣтно клониться подъ гору. Спускъ становится круче; вотъ уже внизу, шумя въ обрывистыхъ берегахъ, извивается, пробираясь къ Москвѣ-рѣкѣ, маленькая рѣчка Сивка. Лѣтомъ она совсѣмъ пересыхаетъ, оставляя только застоившіеся омутки неподалеку, въ овражкѣ.

Съ пригорка намъ открывается новый, интересный видъ.

III.

Берега Сивки отъ половодья, — сюда заходитъ весною Москва-рѣка, — крайне изрыты колдобинами

или, какъ ихъ зовутъ здѣсь, черторьями. Здѣсь очень много этихъ рытвинъ, поэтому вся мѣстность носить названіе Черторья или Чертолья. Противоположный берегъ рѣчки укрѣпленъ новой стѣной, на этотъ разъ не деревянной, а каменной. По правую руку стѣна упирается въ Москву-рѣку, которая въ этомъ мѣстѣ весьма близко, а по лѣвую—тянется далеко на сѣверъ, теряясь среди множества деревянныхъ строеній.

Эта каменная стѣна опоясываетъ вторую часть Москвы — посадъ или, какъ его называли, *Бѣлый-городъ*, иначе *Царь-городъ*. Это уже — настоящая Москва.

Стѣна Бѣлаго города огибаетъ Москву такимъ же кругомъ, какъ и стѣна Земляного, только этотъ кругъ—уже. Въ ней—12 башенъ, каждая съ проездными воротами. Она обнимаетъ городъ на разстояніи 20 верстъ и своими концами упирается въ ту же Москву-рѣку.

Въ Бѣлый городъ ведутъ тѣ же улицы, которыя начались въ Земляномъ. Каменные ворота носятъ названія по улицамъ, къ нимъ ведущимъ, по церквамъ при нихъ или по урочищамъ. Такъ, тѣ ворота, къ которымъ мы подошли, называются Чертольскими, внослѣдствіи ихъ стали называть Пречистенскими.

Перейдемъ по деревянному мостику Сивку и войдемъ въ Бѣлый городъ. Улица, открывающаяся намъ за воротами, такъ же широка, какъ была и раньше. Также она заставлена разными ларями,

шалашами и маленькими, невзрачными пзушками. Въ послѣднихъ живутъ убогіе и нищіе, которые во множествѣ попадаются намъ съ просьбой о подаяніи.

Направо при входѣ въ ворота стоитъ монастырь Алексѣевскій. Онъ интересенъ тѣмъ, что церкви его, хотя и каменные, выстроены на подобіе деревянныхъ — съ шатрами наверху и одной главой вмѣсто пяти.

Въ Бѣломъ городѣ, очевидно, стараются заботиться о порядкѣ. Мы миновали уже нѣсколько перекрестковъ или крестцовъ, и не могли не замѣтить рогатокъ, сдвинутыхъ безпорядочно къ сторонамъ улицы. Если мы спросимъ объясненія у кого-либо изъ мелочныхъ торговцевъ, разложившихъ свой товаръ на лоткахъ или въ палаткахъ, то они скажутъ намъ, что на ночь улица поперекъ преграждается этими рогатками. Дѣлается это съ той цѣлью, чтобы не проѣхалъ какой лихой человѣкъ, не пробѣжалъ какой-нибудь поджигатель. Наблюденіе за рогатками и благочиніемъ въ городѣ возложено на полицію, называвшуюся объѣзжими головами, рѣшеточными приказчиками; кромѣ того, для обереганія города отъ пожаровъ существуетъ особый родъ полицейскихъ, или пожарныхъ, называемыхъ огневицами.

Повидимому, здѣсь болѣе берегутся отъ огня, чѣмъ въ Земляномъ. Однако пустыри, гдѣ то тамъ, то сямъ чернѣютъ на землѣ остатки пожарища, и здѣсь не рѣдки. Деревянныхъ строеній — много, по-

строены скученно, а если и есть широкія улицы и площади, зато много кривыхъ и узкихъ переулковъ, гдѣ и въ тихую погоду опасно, если загорится.

Населеніе этой части города большею частью зажиточное—посадскіе люди, всякаго рода промышленники, гости торговые, боярскія дѣти, бояре, князья. Поэтому въ Бѣломъ городѣ перѣдки каменные хоромы, церквей—еще больше, чѣмъ въ Землянѣ: повсюду видны возвышающіяся золоченныя или крашенныя главы.

Мѣстность опять стала значительно понижаться—поверхность города вообще очень волниста. Насчитывается, исключая незначительныхъ возвышеній, до семи большихъ холмовъ. Въ счетъ не входятъ также разные вражки, рывины, чертогры, которые часто обнажаютъ свое глиняное основаніе, давая названіе особымъ урочищамъ—«на глинищахъ». На этотъ разъ пониженіе идетъ къ довольно значительной рѣчкѣ—Негливной, протекающей почти черезъ весь Бѣлый городъ.

Вотъ и сама Неглиная: на противоположномъ высокомъ берегу ея виднѣются какія-то зубчатая башни. Это уже—Кремль. Видны мосты, ведущіе къ кремлевскимъ воротамъ, перекинутые черезъ рѣку. Неглиная въ этомъ мѣстѣ весьма близка къ своему устью; оглянитесь направо—уже сверкаетъ нецодалеку Москва-рѣка. Прямо передъ нами—все видимое пространство Негливной застроено цѣлымъ рядомъ мельницъ. Большія и маленькія, онѣ

тянутся сѣрымъ рядомъ у подножія кремлевскихъ стѣнъ. Неглинная во многихъ мѣстахъ занружена и представляетъ какъ будто цѣпь нрудовъ, а не рѣчку.

Погодимъ переходить ее, чтобы проникнуть въ Кремль. Бѣлый городъ мы прошли вѣдь только по одной улицѣ, а онъ великъ. Походимъ пока по немъ и посмотримъ достопримѣчательности. Въ Кремль войдемъ мы не съ этой, а съ противоположной стороны—съ востока, въ главныя ворота.

Но прежде, чѣмъ совершить прогулку по Бѣлому городу, зайдемъ во дворъ какого-нибудь именитаго боярина. Посмотримъ устройство двора и дома, житье-бытье богатаго москвича. Такихъ боярскихъ домовъ въ Бѣломъ городѣ не мало; много изъ нихъ каменныхъ.

Намъ даже не приходится и ходить далеко: здѣсь же, въ Чертольѣ, около того мѣста, гдѣ мы остановились, находятся палаты князя Темникова-Ростовскаго.

Чтобы подойти къ нимъ, надо перейти на другую сторону улицы. Грязи вѣтъ, такъ какъ дождя, должно быть, не было давно, да и улица уже не походить на ту, что въ Земляномъ; она вымощена круглыми бревнами, положенными рядкомъ другъ къ другу, какъ и теперь въ деревняхъ устраиваются гати или мосты черезъ рѣчки. Правда, такое мощенье—не вездѣ въ Бѣломъ городѣ; здѣсь, должно быть, мостовая устроена въ виду находженія хоромъ богатаго боярина, или на его иждивеніе.

Вотъ и дворъ. Со стороны улицы его окружаетъ довольно высокій деревянный тынъ, въ которомъ продѣланы ворота, украшенныя рѣзбою. Рѣзба кое-гдѣ выкрашена цвѣтной краской. Надъ входной калиткой виситъ крестъ восьмиконечный и небольшой образокъ-складень. Крестъ и образокъ—изъ серебра, хотя чаще вывѣшиваются мѣдные. Изъ-за забора смотрится на улицу, покачиваясь, высокій кусть чертополоха, а рядомъ положилъ на заборъ, какъ лапы, свои широкіе листья кленъ.

Чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ у него больше различныхъ службъ, помимо главнаго дома. Богатые москвичи никогда не покупаютъ разныхъ прина-совъ по мелочамъ, всегда—оптомъ. Хлѣбъ пекутъ дома, у себя же, въ огородахъ разводятъ всякія овощи, имѣютъ фруктовые сады. Дома ткуть, шьютъ разныя домашнія вещи. Довольно развито молочное хозяйство, имѣются лошади, всякая домашняя птица, мелкій скотъ.

Такимъ образомъ, дворъ посадскаго человѣка имѣетъ видъ цѣлой усадьбы. Иные даже церковь выстроитъ при домѣ, чтобы не ходить въ приходскую. Если позволяетъ мѣсто, то въ дворахъ вырыты большіе пруды, стоятъ вѣтряныя мельницы. Въ Земляномъ городѣ, какъ мы видѣли, нерѣдки такіе дворы-помѣстья.

Отворимъ калитку и войдемъ во дворъ. Передъ нами довольно широкое пространство, называемое переднимъ дворомъ. Его держать по возможности въ чистотѣ, посыпая по праздникамъ пескомъ.

512679

Центральная городская
Публичная библиотека
им. Н. А. Некрасова

Часть двора заросла травой, по угламъ возвышаются кусты бурьяна и крапивы.

На первомъ планѣ, посреди двора, стоятъ хоромы. При взглядѣ на нихъ намъ въ глаза бросится ихъ странное устройство. Кажется, что будто безъ всякаго порядка соединены въ одно цѣлое нѣсколько отдѣльныхъ зданій. Каждое покрыто своей фигурной крышей. Крыши устроены то въ видѣ шатровъ, особенно надъ крыльцами, то вродѣ бочекъ, скирдовъ. Всѣ онѣ раскрашены двумя красками въ шашку.

Присмотримся повнимательнѣе. Дѣйствительно, хоромы представляютъ соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій. Отъ одного въ другое ведутъ крытые переходы — сѣни; нѣкоторыя, кажется, вполне стоятъ отдѣльно. Хоромы — двухъ-этажныя, при чемъ нижній — не высокъ. Онъ, замѣтимъ, большею частью необитаемъ, служитъ только складочнымъ мѣстомъ, кладовой и называется подклѣтью.

Собственно жилыя номѣщенія находятся во второмъ этажѣ. Къ нимъ входятъ по крыльцу, находящемуся какъ разъ противъ воротъ. Это крыльцо предназначается для приѣма гостей. Оно носитъ названіе краснаго, въ отличіе отъ чернаго, находящагося на заднемъ дворѣ.

Крыльцо начинается площадкой, надъ которой возвышается шатровая крыша, утвержденная на четырехъ колонкахъ. Эта площадка называется рундукомъ. Мы гдѣ-то видѣли подобные; конечно,

на папертяхъ въ церквахъ. Колонки, какъ и все зданіе, которое мы видимъ, каменные. Но онѣ, какъ опять-таки и все зданіе, сдѣланы по образцу деревянныхъ построекъ. Колонки посрединѣ имѣютъ большое утолщеніе, что даетъ имъ видъ кувшиновъ. Крыша надъ рундукомъ выкрашена въ клѣтку бѣлой и синей красками.

Такъ какъ жилище во второмъ этажѣ, то съ площадки поднимается лѣстница съ перилами. Попробуемъ взойти по ней и посмотримъ на внутреннюю отдѣлку и убранство жилища.

Лѣстница кончается такой же площадкой, какъ и внизу, вполне на нее похожей. Съ площадки дверь ведетъ уже въ покоевыя хоѣмы.

Войдемъ въ нихъ.

Передъ нами большая, просторная и свѣтлая комната. Оконъ довольно много. Окончины — слюдяныя, при чемъ куски слюды вставлены въ переплетъ изъ бѣлаго желѣза въ сѣтку. Въ нѣкоторыхъ окнахъ слюда цвѣтная, такъ что на полу отъ солнца лежатъ, какъ коверъ, пестрыя пятна.

Потолокъ палаты покрытъ синей краской, по которой на самой срединѣ нарисовано золотомъ солнце съ сіяніемъ, а по всему остальному пространству разсѣяны большія и малыя звѣзды, среди которыхъ выдѣляется посеребренный мѣсяцъ. Эта палата служитъ большой столовой, и не даромъ скоморохи, если ихъ пригласятъ потѣшать пирующихъ, смотря на это звѣздотечное небесное движеніе, тутъ же складываютъ хозяину пѣсню:

На небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды
И вся красота поднебесная.

По стѣнамъ, обтянутымъ красной матеріей, въ разныхъ мѣстахъ висятъ картины и зеркала въ деревянныхъ рамахъ. Между зеркалами на стѣнѣ же укрѣплены нѣсколько чеканныхъ шандаловъ, съ двумя восковыми свѣчами каждый.

По стѣнамъ вокругъ палаты тянутся скамьи, обитыя краснымъ сукномъ. Такая же обивка и у тѣхъ скамей, которыя окружаютъ поставленный среди палаты большой дубовый столъ.

Наконецъ убранство комнаты дополняетъ рѣзной шкафъ, въ которомъ за дверцами поставлена различная серебряная и золотая посуда, необходимая для украшенія стола во время большого пира.

Низенькая дверь ведетъ изъ этой показной комнаты во внутренніе покои. Отворивъ ее, мы проникнемъ въ спальню хозяина.

Нечего и говорить, что въ столовой палатѣ весь передній уголъ уставленъ образами. Но какое множество ихъ здѣсь! И большія и малыя иконы въ позолоченыхъ кіотахъ, блестя чеканной работой своихъ ризъ, помѣщаются въ переднемъ углу на двухъ полкахъ. Полки, очевидно, могутъ задерживаться тафтяной занавѣской: сейчасъ она раздвинута по обѣимъ сторонамъ пологъ.

Комната не велика и ниже предыдущей. По

стѣнамъ опять лавки, покрытыя желтыми суконными полавочниками, расшитыми травами.

Большую часть комнаты занимает кровать. Она очень большая, съ высокимъ изголовьемъ. По сторонамъ возвышаются четыре точеныхъ ореховаго дерева столба, поддерживающіе балдахинъ. Сверху по столбамъ спускаются особыя занавѣски изъ рудожелтой камки, особой ткани. Такія же по цвѣту, но не изъ камки, а изъ атласу наволоки на подушкахъ; на верхней же подушкѣ наволока кромѣ того обшита носеребренымъ кружевомъ.

Въ головахъ и ногахъ кровати понавѣшаны застѣнки - покрывки, богато шитыя шелкомъ, съ кистями.

Стѣны опочивальни обиты тоже сукномъ, темнокоричневаго цвѣта. Вообще въ ней темнѣе, такъ какъ всего два узкихъ оконца. Сводъ расписанъ узорнымъ, травнымъ письмомъ, рисунокъ котораго въ углахъ различить трудно.

Въ комнатѣ жарко: такъ и пышетъ отъ занимающей большую часть свободной стѣны муравленой печки. Она очень красива: поливные изразцы имѣютъ каждый выпуклый рисунокъ, выкрашенный вялой желтою и синею краской.

Остальное убранство комнаты составляютъ небольшой столъ съ инкрустаціями, врѣзанными въ верхнюю доску кусочками разноцвѣтнаго дерева, и съ ножками, выточенными на подобіе львиныхъ

лапъ, и стулъ около него, крытый сукномъ англійскимъ, алаго цвѣту.

Рядомъ со спальней находится еще довольно обширная комната, называемая крестовой палатой. Само названіе показываетъ, что главное украшеніе ея—это иконы. Дѣйствительно, вся стѣна увѣшана ими и представляетъ изъ себя родъ иконостаса. На первомъ мѣстѣ поставленъ рѣзной животворящій крестъ, называемый поклоннымъ. Онъ, по глубокому убѣжденію, является крѣпкой оградой и заступленіемъ отъ всякой нечисти, лукавыхъ и злокозненныхъ бѣсовъ, могущихъ повредить мирному теченію домашней жизни.

При домѣ есть церковь, куда хозяева ходятъ слушать службу; но часто и крестовая палата исполняетъ то же назначеніе: обитатели дома сплошь и рядомъ служатъ въ ней вечерни, а то и всенощную, если, напр., кто-либо изъ нихъ захвораетъ и не будетъ въ состояніи пройти тѣ длинные переходы и сѣни, которые соединяютъ жилые покои съ церковью.

Кромѣ иконъ, однако, въ палатѣ находятся и другія семейныя драгоценности. По полкамъ, расположеннымъ по остальнымъ стѣнамъ, разставлена драгоценная затѣйливая утварь. Здѣсь цѣлое собраніе золотыхъ, серебряныхъ, хрустальныхъ, янтарныхъ братинъ, чашъ, кубковъ, кувшиновъ, чашекъ, ковшей, стакановъ и блюдь.

Здѣсь же въ орѣховомъ шкафу и другая драгоценность: книги. При незначительномъ распро-

храненія книгопечатанія, въ ходу было много еще рукописныхъ, да и печатныя цѣнились довольно высоко и, на-ряду съ иконами, находили себѣ хорошихъ знатоковъ и цѣнителей среди московскаго люда.

Крестовая освѣщается паникадилломъ, спускающимся съ середины свода. Изъ центра протягивается искусно сдѣланная изъ дерева рука, держащая золоченое же деревянное паникадило, съ мѣдными вызолоченными подсвѣчниками.

Не станемъ заглядывать въ разныя мелкія комнаты, исполняющія обязанности кладовыхъ и чулановъ. Чего только тамъ не хранится! Если бы просмотрѣть все содержимое этихъ кованыхъ сундуковъ, ларей, поставцовъ и шкафиковъ, то, кажется, такъ и пришлось бы безвыходно остаться въ домѣ на мѣсяць.

За сѣнями, гдѣ помѣщается часть служебнаго персонала — сѣнныя дѣвушки, находится женская половина. Тамъ мы увидимъ особую спальню хозяйки, ея же переднюю палату, то же множество чулановъ и повалушъ—особый родъ комнаты, предназначенной отчасти для храненія скарба, отчасти лѣтомъ для семейныхъ обѣдовъ. Кромѣ того, на женской же половинѣ находится простая столовая, гдѣ семья обѣдаетъ запросто, когда нѣтъ гостей.

Изъ женской половины лѣстница ведетъ въ верхнее помѣщеніе терема. Ихъ отличительная особенность множество большихъ красныхъ оконъ, что дѣлало помѣщеніе чистымъ, свѣтлымъ и простор-

нымъ. Своды покрыты цвѣтнымъ травнымъ яркимъ узоромъ, налавочники и наконники изъ яркихъ золотныхъ матерій. Переплеты оконъ, въ которые укрѣплена разноцвѣтная слюда, сдѣланы не въ сѣтку, какъ внизу, но въ видѣ круговъ и косякѣвъ, отчего окна и называются косящатыми.

Такая же свѣтлая палата, недалеко отъ постельныхъ хоромъ хозяйки и ея дочерей, помѣщается и внизу и носитъ названіе свѣтлицы. Эта комната имѣетъ особое назначеніе: она служитъ исключительно для женскихъ рукодѣлій, это—рабочая комната. Здѣсь сама хозяйка, ея дочери, въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время, и десятка два женщинъ, принадлежащихъ къ домашней челяди, занимаются: однѣ—шитьемъ всякаго бѣлья,— „бѣлымъ“, другія—„золотымъ“, т. е. вышиваніемъ по бархату и атласу золотомъ, серебромъ и шелками, третьи—вышиваютъ шелками даже художенственные изображенія, иконы.

Изъ слѣдующихъ сѣней можно проникнуть и на заднее, черное крыльцо, съ котораго мы увидимъ раскинутыя по всему двору служилыя постройки. Здѣсь и новарни, и мыльни, и хранилища всевозможнаго рода съѣстныхъ припасовъ, погреба, сараи конюшни. Да всего и перечестъ трудно. Посмотришь, къ забору приткнутъ какой-то не то чуланчикъ, не то хлѣвъ, но и онъ, оказывается, исполняетъ свое особое назначеніе.

Весь многочисленный штатъ прислуги помѣщается, главнымъ образомъ, въ нижнемъ этажѣ главнаго

лыми, гдѣ четырехугольными башнями. Это уже—
Китай-городъ.

Обратимъ вниманіе пока на то, что находится
отъ насъ по лѣвую руку.

Мы пересѣкли множество улицъ и переулковъ.
Большая часть изъ нихъ мощены деревомъ, но на
немъ уже образовался довольно толстый слой земли,
дѣлающійся отъ дождя вязкой грязью. Эта грязь
до того сильно унавожена, что ее, какъ лучшую
землю, собираютъ для садовъ, преимущественно
дворцовыхъ.

Характеръ улицъ—тотъ же самый. Деревянные
строения представляютъ главное количество; камен-
ныхъ меньше; только церквей деревянныхъ почти
нѣтъ.

Если бы можно было взобраться на такую вы-
соту, чтобы весь планъ города былъ какъ на ла-
дони, мы увидали бы, что городъ выстроенъ чрез-
вычайно стройно. Представьте себѣ паутину, ко-
торую ткеть крестовикъ. Это и есть планъ Москвы.
Въ центрѣ — Кремль, его охватываетъ съ одной
стороны полукольцомъ Китай-городъ; слѣдующее
кольцо—стѣна Бѣлаго города, слѣдующее—стѣна
Земляного, съ ея продолженіемъ за Москвой-рѣкой.

Прорѣзывая воротами всѣ эти стѣны, къ Кремлю
стягиваются лучами продольныя улицы, предста-
вляющія изъ себя какъ бы проѣзжія дороги во всѣ
концы Москвы. Между этими улицами — цѣлая
сѣть переулковъ, изогнутыхъ по кривизнѣ стѣнъ.
Переулки выходятъ на улицы, большею частью

какъ разъ одинъ противъ другого, и всѣ вмѣстѣ образуютъ цѣлый рядъ кривыхъ линій, обнимающихъ свой центръ—Кремль.

Эти-то продольныя улицы намъ и приходится пересѣкать. Улицы эти — Никитская, Тверская и Дмитровская ведутъ къ одноименнымъ имъ воротамъ Бѣлаго города и за стѣною продолжаютъ уже въ Земляномъ, сохраняя за собою названія.

Недалеко отъ крестца на Дмитровской улицѣ Неглинная, текущая дотолѣ по прямой линіи, круто повертывается влѣво. Посмотрѣвъ на довольно обширное зданіе Пушечнаго двора, находящееся у самаго поворота рѣки, на томъ берегу, будемъ продолжать путь по той же Неглинной.

Повернувъ круто налѣво, рѣка этимъ самымъ пошла параллельно тѣмъ улицамъ, которыя стягиваются лучами къ Кремлю. По здравому разсужденію, мы должны подойти вскорѣ къ стѣнѣ Бѣлаго города.

Дѣйствительно, такъ и есть. Передъ нами стѣна съ воротами, подъ которыми проложена труба для прохода водъ Неглинной черезъ стѣну. Вся мѣстность эта такъ и называется Трубою — „на Трубѣ, у Трубы“, говорятъ москвичи, желая точнѣе обозначить мѣсто своего жительства.

Направо отъ Трубы — чрезвычайно красивый видъ. Стѣна Бѣлаго города спускается съ очень высокой и крутой горы, на вершинѣ которой находится монастырь, называемый Срѣтенскимъ. Склонъ горы и вся мѣстность около монастыря

Труба
на

густо заросли деревьями, что еще болѣе увеличиваетъ красоту невысокаго, но внушительнаго собора, съ одной ярко вызолоченной главою посрединѣ.

Сверху горы открывается прекрасный видъ на низину, гдѣ течетъ Неглиная, и Занеглименье, тонущее въ цѣломъ морѣ зелени, между которой сверкаетъ яркая гладь прудовъ. Срѣтенскій монастырь выстроенъ великимъ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ въ память Срѣтенія на этомъ мѣстѣ чудотворной иконы Владимирской Божіей Матери, освободившей Москву отъ нашествія Тамерлана.

До основанія монастыря вся эта возвышенность называлась Кучковымъ полемъ, впрочемъ, и теперь она сохранила то же названіе, какъ бы на память о бывшемъ здѣсь владѣніи боярина Кучки.

Съ именемъ боярина Степана Ивановича Кучки соединены легендарные рассказы о первоначальномъ основаніи Москвы.

Вся возвышенность по лѣвому берегу Неглиной и дальше, до самаго Поганого пруда, была въ давнія времена владѣніемъ богатаго боярина Степана Ивановича Кучки. Много у него было здѣсь селъ и слободъ, а къ этому еще красавица жена. Жилъ онъ въ свободѣ и независимости, но какъ разъ его область досталась въ удѣлъ князю Юрію Владимировичу Долгорукому, который и пріѣхалъ по близости на жительство, въ городъ Суздаль.

Князь Юрій любилъ навѣщать своихъ подданныхъ, веселился съ ними, проводя время въ пи-

рахъ. Особенно часто навѣщаль онъ Кучку, полюбилось ему очень его помѣстье, а еще того болѣе—боярыня, жена владѣльца. Кучка замѣтилъ, что заставляетъ князя такъ часто пріѣзжать къ нему; онъ рѣшилъ посадить свою жену въ заточеніе, а самому, воспользовавшись отсутствіемъ князя, бѣжать въ Кіевъ къ великому князю Изяславу. Но узнавъ объ этомъ Юрій, поспѣшилъ онъ поскорѣе въ вотчину Кучки, и, не разбирая дѣла, убилъ боярина, а дочь его отдалъ въ замужество за сына своего Андрея. Пока шло подготовленіе къ этой свадьбѣ, князь Юрій рѣшилъ заложить на этомъ мѣстѣ городъ. И стали рубить городъ, который по имени рѣки назвали Москвою.

На бракосочетаніе приглашены были гости, и нирь въ новомъ городѣ праздновался цѣлыхъ пять дней. Князь Юрій богато одарилъ гостей своихъ, отпустилъ ихъ съ великимъ довольствомъ и любовью, а самъ послѣ пира съ молодой четой, уѣхалъ къ себѣ въ Суздаль.

Таково преданіе. Не одно оно было, много другихъ сказаній существуетъ о началѣ Москвы. Всѣ они отличаются своимъ содержаніемъ другъ отъ друга, но почти всегда упоминаютъ объ убитомъ бояринѣ Кучкѣ. Говорятъ, что и сама Москва еще долго послѣ называлась „Кучково“, по имени своихъ первыхъ владѣльцевъ.

Таково мѣсто, гдѣ, по преданію, было первоначальное зерно Москвы. Будемъ продолжать путь дальше, такъ, чтобы стѣна была все время по лѣ-

вую руку отъ насъ. Направо опять потянутся улицы. Это цѣлыя слободы, населенныя людьми опредѣленныхъ завятій. Такъ, первая слобода, къ которой мы подошли, вся заселена стрѣльцами и пушкарями. Потомъ она, по ту сторону стѣны стала называться Срѣтенкой, отъ монастыря, который мы уже видѣли. Эта слобода тянется по высокому берегу Неглинной, черезъ которую, въ концѣ ея, у старыхъ богадѣленъ, перекинуть деревянный Кузнецкій мостъ. Съ улицы, между домами открываются прекрасныя виды на лѣвый, низкій берегъ Неглинной. Слѣдующая за ней слобода называется Мясники. Тутъ же неподалеку находится довольно большой прудъ, съ тинистыми, иловатыми берегами. Поэтому, да еще отъ того, что окрестные жители не прочь свалить въ него всякую падалъ, прудъ этотъ называется Пога-вымъ.

До сихъ поръ, какъ мы знаемъ теперь, простирались владѣнія боярина Кучки.

Продолжая путь свой вдоль стѣны дальше, мы, въ концѣ концовъ, дошли бы опять до Москвы-рѣки; но намъ пора вернуться къ московскому центру, осмотрѣть Китай-городъ и Кремль.

Самое лучшее избрать путь по Мясницкой слободѣ. Слобода — довольно широкая улица, заставленная, какъ и всѣ другія бойкія улицы, ларями съ товаромъ. Дома, большею частью, деревянные, церковей немного. Послѣднія всѣ каменные, пятиглавыя, съ шатровой колокольней. Церкви не

высоки, немного повыше любого двухъ-этажнаго дома.

У нѣкоторыхъ избъ народъ толчется особенно. Дверь то и дѣло хлопаетъ отъ входящихъ и выходящихъ. Кругомъ—громкій говоръ, смѣхъ, пѣсни, ругань. Это кружало, гдѣ можно пить зелено вино. Большую часть внутренности кружала занимаетъ омшаникъ съ печью для нагрѣванія воды, которою разбавляется продаваемая водка.

Дома стали попадаться рѣже; вотъ передъ нами вдали уже видѣются знакомыя намъ по окраскѣ красныя стѣны Китая-города.

IV.

Китай—слово не русское и обозначаетъ «средній». Среднимъ этотъ городъ называется по своему положенію между центромъ—Кремлемъ и огибающимъ его со всѣхъ сторонъ Бѣлымъ городомъ. Если въ какомъ-либо древнемъ русскомъ городѣ кремль уже начиналъ переполняться зданіями и населеніемъ, то всегда къ нему пристраивался китай-городъ, составляя какъ бы пригородъ кремля.

Стѣны московскаго Китая-города въ томъ видѣ, какъ онѣ сейчасъ предстали передъ нашими глазами, выстроены въ малолѣтство царя Ивана Грознаго, въ 1536 году. Китай-городъ прислоненъ къ Кремлю съ востока и упирается въ него концами своихъ стѣнъ. Стѣны его ниже кремлевскихъ, поэтому и кажутся толще, таковы и башни съ зуб-

чатыми верхушками и шатровымъ покрытіемъ, сдѣланнымъ изъ черепицы. Впрочемъ, эти покрытія только у проѣздныхъ башенъ, у угловыхъ же—его нѣтъ.

Проѣздныя башни четырехугольныя, приземистыя; остальные же или тоже четырехугольныя, или же, даже по большей части, круглыя.

Въ стѣнахъ и башняхъ прорѣзаны стрѣльницы и токи, по которымъ въ случаѣ приступа можно лить на непріятеля горячую смолу или воду.

Воротъ пять. Одни изъ нихъ мы увидимъ, когда будемъ осматривать Красную площадь; остальные четверо воротъ всѣ находятся въ той стѣнѣ, къ которой мы сейчасъ подошли.

Прямо передъ нами—Срѣтенскія ворота, названныя такъ потому, что къ нимъ, подъ угломъ сходятся какъ Мясницкая, такъ и Пушкарная слобода, которую мы миновали. Здѣсь, направо и находится тотъ самый Пушкарный дворъ, которымъ мы любовались издали, идя къ Кучкову полю.

Срѣтенскія ворота находятся почти на самомъ углу Китая-города. Остальные, слѣдовательно, находятся въ лѣвой сторонѣ.

Слѣдующія за Срѣтенскими ворота носятъ названіе Троицкихъ, рѣже зовутъ ихъ по находящейся неподалеку церкви — Ильинскими. Далѣе идутъ ворота Всесвятскія и, наконецъ, недалеко уже отъ Москвы-рѣки, подъ самымъ склономъ холма, Козмодемьянскія.

Противъ Козмодемьянскихъ воротъ весь берегъ Москвы-рѣки представляетъ обширную, затопляемую въ весеннее время луговину. Это Васильевъ лугъ. На него собираются по праздникамъ москвичи для гулянья. У самаго берега разведены сады, къ которымъ примыкаетъ цѣлый рядъ грязныхъ и мрачныхъ построекъ. Съ перваго раза даже трудно замѣтить, есть ли въ нихъ окна, только, приглядѣвшись, можно замѣтить узенькіе прорѣзы въ бревнахъ. Можно подумать, что это какія-либо мѣста для заключенія. Дѣйствительно, это исправительныя мѣста для пьяницъ, такъ называемыя бражныя тюрьмы.

Отъ этихъ проѣздныхъ воротъ идутъ главныя улицы Китая-города.

Войдемъ въ Срѣтенскія ворота. Сейчасъ же за ними начинается Никольская улица, упирающаяся другимъ концомъ своимъ въ Красную площадь. Почти на зерединѣ улицы глазъ нашъ остановится на обширномъ каменномъ зданіи, выстроеномъ, какъ и всѣ вообще, на подклѣти, съ фигурнымъ двоевходнымъ крыльцомъ. Домъ этотъ—Печатный дворъ, главная московская типографія. За Печатнымъ дворомъ виденъ монастырь, а далѣе — цѣлый рядъ каменныхъ зданій.

Это уже торговые ряды. Мы не станемъ проходить мимо нихъ теперь, такъ какъ лучше всего осмотрѣть ихъ со стороны Красной площади. Свернемъ налѣво въ любой изъ узкихъ и кривыхъ переулковъ и пройдемъ на другую улицу.

Эта вторая улица, начинающаяся отъ Троицкихъ воротъ, называется Ильинкой. Здѣсь множество самаго разнаго люду. Ильинка улица торговая, на ней множество лавокъ съ различнымъ товаромъ. Кромѣ того, насъ поразитъ чрезвычайно красивое зданіе, съ фигурными крыльцами, разрисованными стѣнами и чрезвычайно красивой крышей. Около него народъ толпится постоянно. Въ немъ находится Посольскій дворъ, въ которомъ останавливаются разныя пріѣзжающія въ Москву посольства. Толпа зѣвакъ стоитъ здѣсь въ ожиданіи, когда выѣдетъ отправляющееся въ кремлевскій дворецъ посольство. Правда, есть что посмотреть. Роскошь нарядовъ поразительная. Здѣсь можно увидать и своихъ думныхъ бояръ въ роскошныхъ кафтанахъ и шапкахъ, до аршина вышиною, и рындъ въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, и стрѣльцовъ въ красномъ одѣяніи, наконецъ—чужеземцевъ, одинъ передъ другимъ отличающихся красотой невиданнаго наряда.

Вдали — та же Красная площадь съ торговыми рядами и со стѣной Кремля.

Несмотря на такое оживленіе и множество народа, въ Китай-городѣ находятся и пустонорожнія мѣста, занятыя садами и огородами. Вдоль одного такого сада можно пройти, наконецъ, на третью улицу—Варьскую или Варварскую.

Улица эта расположена на краю холма; послѣ нея онъ уже круто начинаетъ понижаться къ Москвѣ-рѣкѣ, такъ что улица, идущая отъ Козмо-

демьянскихъ воротъ, находится уже совсѣмъ подь горою. Съ вершины холма открывается красивый видъ на зарѣчную часть города съ его слободами и церквами. Чрезвычайно красивое мѣстоположеніе, вѣроятно, и прельщало многихъ именитыхъ бояръ селиться здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, боярскихъ дворовъ здѣсь очень много. Со стороны Ильинки выходитъ на Варварку дворъ князя Спцкаго, на гребню холма расположены: дворъ бояръ Романовыхъ съ церковью при немъ, дворъ Булгаковыхъ и много другихъ.

Но не однѣ здѣсь богатыя палаты. Цѣлымъ рядомъ тянутся по улицѣ мрачныя зданія, въ которыхъ не трудно угадать тюрьмы. Въ нихъ содержатся колодники, производятся розыски по дѣламъ, иытки. Тюрьмы всегда полны. Въ Москвѣ много разнаго люду и не безопасно отъ разбоевъ. Въ укромныхъ мѣстахъ, подь вечеръ, легко подвергнуться нападенію разбойниковъ; хорошо, если вамъ хоть въ чемъ-либо удастся уйти живымъ. Ну, а если поймають такого разбойника объѣзжіе головы, то ужъ тащатъ тогда «къ Варварѣ на расправу», въ знакомыя теперь намъ тюрьмы.

Варварская улица мощена деревомъ, но бока ея, спуски съ холма, заросли травою и бурьяномъ, изрыты промоинами, обвалами почвы. Почва, на Никольской — песчаная (монастырь за Печатнымъ дворомъ называется Законоспасскимъ «на Песку»), переходитъ здѣсь въ глинистую. Застаивающаяся вода образуетъ болотца, дающія на-

званія мѣстности: такъ одинъ изъ склоновъ Варварской улицы зовется «Мокрое».

Вернемся обратно на Ильинку и пойдѣмъ по направленію къ Красной площади.

Ильинская улица кончается; вотъ и крестецъ. За нимъ уже большая площадь—Красная, на противоположной сторонѣ которой тянется прямая линия двойныхъ стѣнъ бѣлаго цвѣта. Это—Кремль, къ которому мы подошли съ восточной стороны.

На Ильинскомъ крестцѣ, какъ и вообще на всѣхъ крестцахъ, часовня. Здѣсь насъ ожидаетъ не особенно пріятное зрѣлище. Кругомъ ея, прямо на мостовой, стоитъ нѣсколько открытыхъ гробовъ, изъ которыхъ выглядываютъ почернѣвшіе трупы. Это колодники, умершіе въ тюрьмахъ, или бездомные; возлѣ сидитъ сторожъ, собирающій милостыню на покупку имъ савана или гроба. Часто деньги набираются туго, и колода долго стоитъ на перекресткѣ.

На Красной площади — громадное сборище народу. Можно подумать, что здѣсь ярмарка въ какой-нибудь праздникъ. Дѣйствительно, здѣсь главный московскій рынокъ, главная торговля Москвы.

Окинемъ сначала взглядомъ всю площадь. Прямо, какъ мы уже замѣтили, тянется кремлевская стѣна. Она двойная, имѣющая нѣсколько башенъ, крытыхъ четырехскатными крышами. Прямо по серединѣ возвышается проѣздная башня, къ которой ведетъ каменный мостъ. Это главная крем-

левскія ворота, называемыя Фроловскими. Надъ ними—большой образъ.

Всю лѣвую сторону площади, тамъ, гдѣ она уже понижается къ Москвѣ-рѣкѣ, занимаетъ величественное зданіе Покровскаго собора. Мы невольно останавливаемся въ изумленіи, смотря на эту удивительно красивую группу церквей, составляющихъ одно цѣлое. Иностранцы, посѣщавшіе Москву, дивовались этой затѣйливой постройкѣ, находя въ ней слѣды восточнаго зодчества. Между тѣмъ соборъ—чисто русское произведеніе и построенъ русскими же мастерами при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Весь храмъ о девяти куполахъ, изъ которыхъ средній, самый высокій, поднимается шатромъ надъ остальными. Шатеръ утверждёнъ на чрезвычайно пестро расписанныхъ закомарахъ и покрытъ цвѣтной, блестящей черепицей. Остальныя главы, каждая вполнѣ отличная по формѣ отъ другой, расписаны разными красками. Все зданіе—чрезвычайно стройно и красоты удивительной.

Храмъ былъ заложенъ царемъ Иваномъ Грознымъ въ 1554 году въ память взятія Казанскаго царства. Въ народѣ ходилъ разсказъ, будто бы царь приказалъ ослѣпить строителя храма, чтобы онъ не могъ другой разъ выстроить подобный или лучше. Конечно, этотъ разсказъ неправдоподобенъ, но онъ указываетъ намъ, что Покровскій соборъ пользовался славой самаго красиваго зданія въ мірѣ.

Храмъ
В.
Блаж
Нот

Полюбовавшись соборомъ, повернемся теперь направо и посмотримъ на площадь. Передъ нами толпы народу, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ. Слышится громкій говоръ, смѣхъ, заунывное пѣніе стиховъ слѣпыми или калѣками, звуки домры, похожіе на балалайку. Вотъ собралась кучка народу; посрединѣ стоитъ фигура, въ которой трудно сначала узнать человѣка. У него отъ пояса поднимается вверхъ родъ фартука, закрывающаго его со всѣхъ сторонъ съ головой. Изъ-за холста выглядываютъ буглы, выдѣлывающія разныя штуки. Это уличный комедіантъ, забавляющій зрителей кукольнымъ театромъ. Въ другой сторонѣ еще веселѣе: собрались скоморохи — веселые молодцы на всякія руки. Народу кругомъ видимо-невидимо. Въ срединѣ круга—двое пляшутъ подъ аккомпаниментъ гудка, быстро, но отчетливо напѣваютъ какую-то пѣсню. Прислушаемся; рассказывается про какую-то птицу-травника, который залетѣлъ въ Москву, нашелъ кабачекъ, гдѣ его поймали, били, въ тюрьму посадили; тамъ онъ

Пять недѣль посидѣлъ,
Пять алтынъ заплатилъ,
А за то его выпустили
Да кнотомъ его выстегали,
По рядамъ его выводили...

поютъ скоморохи, намекая на современные порядки въ судахъ. Слушатели довольны, и мѣдныя деньги въ изобиліи сыплются въ монину забавниковъ.

Вдоль всей Красной площади тянется линия домовъ. Это—торговые ряды; для каждаго рода торговли—свой особый рядъ. Чего только не повезено сюда съ разныхъ концовъ страны. Начиная отъ храма Покрова, съ Варварскаго крестца, идутъ ряды — масляный, сельдяной, луковый, медовый, свѣчной, мыльный. Далѣе, пройдя Ильинскій крестецъ, отъ Лобнаго мѣста — возвышенной круглой площадки, предназначенной для разныхъ общественныхъ собраний, тянутся ряды: зелений-пороховой, сайдачный-оружейный. Особо помѣщаются торговцы суконными, шелковыми, золототканными товарами. Еще далѣе идутъ ряды сапожные, скорняжные, шапочные, сѣдельные, сундучные, ножевые. Тутъ же мы встрѣтимъ хлѣбныя, калачныя, сѣменные лавки.

Всѣми товарами запасаются какъ москвичи, такъ и прїѣзжающіе въ Москву жители другихъ городовъ. И тѣ и другіе покупаютъ, большею частью, оптомъ, поэтому торговля ведется въ широкихъ размѣрахъ. Торгуютъ и русскими и иностранными товарами; для послѣднихъ существуютъ особые ряды — Сурожскій, Панскій, Фряжскіе винные погреба.

Все осмотрѣть сразу нѣтъ возможности. Глаза разбѣгаются отъ множества всевозможныхъ товаровъ. Особенно интересны ряды шелковый и золотыхъ дѣлъ. Если притти туда за покупкой, то вамъ покажутъ удивительныя матеріи и парчу, рисунки для которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе

передаются съ древнихъ временъ. Тутъ передъ нами образцы ткани, восходящія къ византійскимъ и восточнымъ.

Торговые ряды заканчиваются иконнымъ рядомъ, находящимся на Никольскомъ крестцѣ. Здѣсь можно найти иконы различнаго письма: отъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ, письма новгородскихъ или московскихъ царскихъ иконописцевъ. За этимъ рядомъ находится монастырь, называемый Спасскимъ, что за Иконнымъ рядомъ. Его мы уже видѣли.

Иконный рядъ примыкаетъ уже къ стѣнѣ Китай-города, обращенной къ Неглинной.

Съ Красной площади на Неглинную ведутъ пять — Воскресенскія ворота, въ два проѣзда. Они снабжены бойницами, и наверху поставлены пушки. Они выстроены изъ особаго тяжеловѣснаго кирпича, съ тяжелыми связями. Иное ихъ названіе — Курятныя, потому что около нихъ пріютился курятный рядъ, и Неглинныя, такъ какъ рѣка протекаетъ подъ самыми воротами.

Вотъ уже виденъ деревянный мостъ, ведущій черезъ рѣку въ Бѣлый городъ. Мы уже были въ немъ, поэтому повернемъ назадъ и пойдемъ опять по Красной площади, вдоль кремлевскаго рва.

Передъ нами вся площадь, какъ на ладони. Вдали возвышается величественный Покровскій соборъ, направо — первая болѣе низкая кремлевская стѣна, а все пространство передъ глазами наполнено пестрой идущей толпою. Выкрикиваютъ свои товары

разнощяки. На ларяхъ мы видимъ уже знакомые намъ любимыя напитки: квась, сбитень, бузу — татарскій напитокъ, приготовленный изъ проса. Всюду виднѣются яркіе сарафаны женщинъ, цвѣтныя рубахи мужчинъ. Женщинамъ простого званія висколько не запрещается показываться на народѣ; совсѣмъ не то въ царскомъ быту и высшихъ классахъ: тамъ даже и члены семьи не всегда видятъ женщинъ, а гостямъ онѣ и совсѣмъ не показываются.

Если пожелаетъ какая-нибудь женщина высшаго круга проѣхать, подышать свѣжимъ воздухомъ, то для нея подается закрытая со всѣхъ сторонъ повозка, чтобы лица ея не было видно, и въ ней она ѣдетъ въ дальній монастырь къ обѣднѣ. Такія повозки памъ непременно должны встрѣтиться.

Вотъ толпа разступается и даетъ дорогу всаднику. Въ высокой мѣховой шапкѣ изъ темно-бурой лисицы и въ кафтанѣ темно-зеленаго сукна ѣдетъ бояринъ. Очевидно, онъ спѣшитъ въ Кремль для продолженія послѣобѣденныхъ занятій.

V.

Послѣдуемъ за нимъ и мы по направленію къ Кремлю.

Незамѣтно добираемся мы до Фроловскихъ воротъ. Черезъ ровъ, тянущійся, какъ мы уже теперь знаемъ, отъ Неглинной до Москвы-рѣки,

вдоль по всей стѣнѣ, справа налѣво, если стать лицомъ къ Кремлю, перекинуть каменный мостъ.

На мосту множество нищихъ. Сидя на землѣ, они распѣвають духовные стихи, собирая милостыню съ прохожихъ, которыхъ здѣсь очень много. Тутъ же стоятъ священнослужители, лишившіеся почему-либо своихъ мѣстъ. Въ Москвѣ очень много домашнихъ церквей, поэтому, чтобы отправить въ нихъ богослуженіе, москвичи панимаютъ причтъ. Безмѣстные попы и дьяконы стоятъ здѣсь въ ожиданіи приглашеній.

Передъ самыми воротами стоятъ двѣ пушки— Павлинь и Дробовикъ, вылитыя русскими мастерами. Вообще Кремль укрѣпленъ сильнѣе, чѣмъ остальные части города. Двойной рядъ толстыхъ стѣнъ, крѣпкія ворота представляютъ большую защиту. Мы какъ разъ сейчасъ вошли въ ворота; взглянемъ вверхъ: на сводѣ находится щель, — въ нее подыята желѣзная рѣшетка, которою запираются ворота во время осады.

Общее впечатлѣніе при входѣ въ Кремль ничѣмъ не отличается отъ того, которое мы получили отъ обозрѣнія всего города. То же множество тушиковъ и переулковъ. Главныхъ улицъ — двѣ. Одна, по которой мы теперь идемъ, начинается отъ Фроловскихъ воротъ, другая параллельна ей внизу холма. Эта послѣдняя начинается отъ Константино-Еленинскихъ воротъ, рядомъ съ Фроловскими, и упирается въ другомъ концѣ Кремля въ Житный дворъ.

Въ Кремлѣ — мѣстопробываніе духовной и свѣтской власти. Здѣсь находится дворъ государевъ и патріарха, соборы, церкви, монастыри, подворья — архіерейскія и монастырскія, княжескіе и боярскіе дворы.

Всю лѣвую сторону Главной улицы занимаютъ каменные зданія приказовъ. Въ нихъ находится все управленіе отдѣльными областями государства, завѣдываніе особымъ родомъ государственныхъ дѣлъ; иначе зовутся они палатами, избами, дворцами. Одни изъ нихъ представляютъ управленіе придворной частью, другіе — военными дѣлами; одни завѣдуютъ иностранными дѣлами, другіе — государственными имуществами. Въ нихъ производятъ судъ, разбираютъ челобитныя, взыскиваютъ долги.

Множество княжескихъ дворовъ — деревянные, они не обширны и такъ же, какъ и въ другихъ частяхъ города, обнесены заборомъ. Строеніе большею частью скученное и тѣсное, такъ что пожаръ, начавшійся въ Кремлѣ, бываетъ такъ же губителенъ, какъ и въ другомъ любомъ мѣстѣ.

Кремль, или, какъ называли его иностранцы, великокняжескій замокъ — центръ Москвы, ея первоначальное поселеніе. Для постройки вообще русскихъ городовъ выбиралось мѣсто, которое должно было удовлетворять однимъ и тѣмъ же условіямъ. Необходима была рѣка, одинъ изъ береговъ которой представлялъ бы изъ себя возвышенность, а другой — низменную луговую сторону. На возвы-

шеніи легче было укрѣпиться съ одной стороны, съ другой — заранѣе замѣтить приближающагося врага и принять мѣры для обороны. Да и рѣку, если она широка, перейти было не легко.

На такихъ возвышенныхъ, большею частью, правыхъ берегахъ рѣкъ выстроены значительные русскіе города: Кіевъ, Владиміръ, Нижній-Новгородъ; такое же мѣсто выбрано и для Москвы.

Москва - рѣка образуетъ подъ городомъ петлю, внутренняя часть которой занята низкой болотистой равниной, а на ви́шнемъ верхнемъ изгибѣ находится холмистая возвышенность. Одинъ изъ холмовъ, самый высокій, крутыми уступами подходилъ къ самой рѣкѣ и когда-то былъ покрытъ густымъ боромъ. Отъ послѣдняго онъ получилъ и названіе — Боровицкій. На немъ впервые и было основано поселеніе, составившее зерно Москвы и впоследствии названное Кремлемъ.

Какъ крѣпость, Кремль существовалъ, вѣроятно, при самомъ началѣ Москвы и въ началѣ былъ деревяннымъ. Первый разъ каменная стѣна была возведена при великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ; стѣна была сложена изъ бѣлаго камня и представляла такую твердыню, что враги часто безуспѣшно пытались взять городъ. Ольгердъ, князь литевскій, такъ и не могъ справиться и ушелъ обратно; а при страшномъ нашествіи хана Тахтамыша Кремль взять былъ хитростью: москвичи повѣрили лукавымъ обѣщаніямъ татаръ и отворили имъ ворота.

Впослѣдствіи Кремль сталъ укрѣпляться еще болѣе. Великій князь Иванъ Васильевичъ III вызвалъ изъ Италіи искусныхъ зодчихъ и мастеровъ стѣнного дѣла. Прежнія стѣны были сломаны, и на мѣстѣ ихъ воздвигнуты новыя стѣны, бойницы и ворота. По угламъ Кремля были выстроены круглыя башни, другія были сдѣланы четырехугольными и снабжены стрѣльницами. Однѣ башни сдѣланы глухими, другія—проѣзжими. Ворота было устроено шесть, на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и при Донскомъ: Боровицкія или Предтеченскія, Фроловскія, Константино-Еленскія, Никольскія, Троицкія и Тайницкія. Послѣднія выходили на Москву-рѣку и имѣли потайной колодезь, изъ котораго можно было брать воду въ случаѣ осады.

Со стороны Москвы-рѣки Кремль былъ укрѣпленъ, какъ и съ другихъ, двойной стѣною; кромѣ того въ этомъ мѣстѣ оставалась еще старая, постройки Донского. Это обстоятельство вводило въ ошибку иностранцевъ, которые, описывая Москву, говорили, что Кремль окруженъ тройнымъ рядомъ стѣнъ.

Если бы намъ можно было опять подняться на такую высоту, чтобы видѣть городъ съ птичьяго полета, то Кремль представился бы намъ треугольникомъ неправильнаго вида. Если принять за основаніе ту сторону, по которой мы шли — вдоль кремлевскаго рва, то изъ двухъ остальныхъ сторонъ лѣвую обтекаетъ Москва-рѣка, правую—Неглинная. Такимъ образомъ весь Кремль стоитъ на островѣ.

Во всё ворота ведутъ мосты деревянные, за исключеніемъ того каменнаго, по которому мы вошли въ Кремль, и еще другого, ведущаго черезъ Неглинную въ Троицкія ворота. Кромѣ того, каменный же мостъ ведетъ черезъ ровъ къ Константино-Еленскимъ воротамъ.

Вернемся теперь опять на старую нашу дорогу. Главная или Большая улица упирается въ главную кремлевскую площадь. По имени находящейся на ней церкви св. Іоанна Лѣствичника она называется Ивановской. Если бы мы попали на нее послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, то увидали бы на ней цѣлое собраніе бояръ, дворянъ и разнаго рода чиновныхъ людей, собравшихся здѣсь потолковать о своихъ дѣлахъ.

И сейчасъ площадь полна народомъ: дьякъ читаетъ во всеуслышаніе государевъ указъ, но, къ сожалѣнію, словъ разслышать невозможно, хотя дьякъ и кричитъ во всю Ивановскую площадь.

Тутъ же на площади стоитъ сколоченная на скорую руку избушка, въ которой постоянная толчея народа. Въ ней бывшіе подъячіе, знающіе форму дѣловыхъ бумагъ, строчатъ цѣлыми десятками челобитныя московскимъ обывателямъ. Грамотность распространена очень незначительно, приказы, куда подавать разныя челобитныя, подъ рукою, поэтому недостатка въ работѣ не чувствуется, и отставные подъячіе собираютъ значительный доходъ.

Надъ площадью возвышается одна изъ москов-

скихъ диковинокъ — Ивановская колокольня, или Иванъ Великій. Бѣлый огромный столпъ, около 40 сажень, господствуетъ надъ остальными зданіями Кремля. Видно съ него на очень далекое разстояніе, поэтому имъ пользуются и для военныхъ цѣлей; съ верхушки можно замѣтить непріятеля, когда онъ еще очень далеко, и предупредить опасность. Въ русскихъ городахъ, если они не находились на такихъ высокихъ холмахъ, какъ, на-рримѣръ, Москва, всегда устраивались башни для высматриванія враговъ издалика. Въ Москвѣ, слѣдовательно, дѣло обстоитъ еще лучше: и холмъ высокій и сторожевая башня. Въ мирное время Ивановская колокольня служитъ звонницей для всѣхъ почти кремлевскихъ соборовъ.

Постройка Ивана Великаго окончена въ царствованіе Бориса Годунова, въ 1600 году. Выстроено зданіе чрезвычайно прочно. Говорятъ, будто фундаментъ заложенъ на глубинѣ, равняющейся дну Москвы-рѣки. Колокольня представляетъ изъ себя три поставленныхъ другъ на друга столпа, при чемъ ширина каждаго суживается противъ предыдущаго. Первые два колѣна шестигранной формы, послѣднее круглое, оканчивающееся золоченой луковичей, увѣнчанной огромнымъ крестомъ. Подъ главой—три черныхъ пояса, на которыхъ золочеными буквами написано: «Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всея Россіи самодержца, и сына его благовѣрнаго великаго госу-

даря, царевича, князя Феодора Борисовича всея Рос-
сиі храмъ сооруженъ и позлащенъ во второе лѣто
государства ихъ 108 года» (т. е. 1600).

Иванъ Великій стоитъ отдѣльно отъ остальныхъ
зданій. Его бѣлая окраска — онъ выстроенъ изъ
бѣлаго камня въ перемежку съ тяжеловѣснымъ кир-
пичемъ—и золотая глава издали бросаются въ
глаза всякому, приближающемуся къ Москвѣ. Не
забудемъ, что къ времени нашего путешествія по
Москвѣ постройка только что окончена, и не только
иностранцы, но и москвичи считаютъ ее за чудо.

Полюбовавшись Ивановскимъ столпомъ, удивляв-
шимъ современниковъ не столько красотой, такъ какъ
были гораздо болѣе красивыя постройки, сколько
вышиною, направимъ свой путь теперь къ соборамъ.

Они недалеко, тутъ же, около Ивановской коло-
кольни.

Первый, который бросится намъ въ глаза сво-
ими размѣрами и формой совершеннаго куба, увѣн-
чаннаго пятью золотыми главами, будетъ Успен-
скій соборъ. Теперь понятно, что большая часть
видѣнныхъ нами каменныхъ церквей—простое по-
втореніе этого собора, только въ значительно мень-
шемъ объемѣ. Здѣсь же все величественно, начиная
съ самихъ стѣнъ, выложенныхъ изъ бѣлаго камня,
и кончая невысокими, но золотыми куполами, или,
какъ ихъ называютъ, барабанами, увѣнчанными
луковицами изъ золоченой мѣди.

Соборный храмъ Успенія былъ основанъ еще
великимъ княземъ Иваномъ Калитою, но къ XV

вѣку пришелъ въ ветхость. Иванъ III рѣшилъ перестроить соборъ заново и вызвалъ для этого дѣла мастеровъ изъ Пскова, славившагося умѣньемъ строить изъ камня. Соборъ рѣшено было выстроить по образцу древняго Владимирскаго собора, и мастера взялись за дѣло. Постройка была уже доведена до крыши, но когда стали сводить своды, обрушилась. Причиной неудачи послужило то, что для постройки употребили нехорошо выжженный кирпичъ и плохую известь. Тогда великій князь послалъ искать мастеровъ въ иноземныя страны, и, послѣ долгихъ поисковъ, удалось найти знаменитаго зодчаго. Это былъ Аристотель Фіоравенти, извѣстный своими постройками въ Венеціи, гдѣ онъ выстроилъ соборъ и ворота. Онъ научилъ русскихъ мастеровъ дѣлать лучшаго качества кирпичи и известь, средину между стѣнной кладкой наполнять не булыжникомъ, а длинными и узкими кирпичами. Фіоравенти началъ постройку совсѣмъ съ фундамента въ 1475 году и окончилъ въ 1479. Лѣтописцы отмѣтили красоту новосозданной церкви, говоря, что такого храма не бывало на Руси до того, кромѣ Владимирскаго.

Аристотель Фіоравенти немного отступилъ отъ своего образца — Владимирскаго собора, и создалъ зданіе въ томъ же стилѣ. Гораздо большее вліяніе иноземнаго, италіянскаго зодчества испыталъ на себѣ другой соборъ Кремля—Архангельскій.

Отвернемся отъ Успенскаго собора и посмотримъ по направленію къ Москвѣ-рѣкѣ.

Налѣво будетъ находиться пятиглавое зданіе, хотя и повторяющее формы Успенскаго собора, но гораздо легче, изящнѣй. Какъ тамъ, такъ и здѣсь покрытіе сдѣлано по сводамъ, но своды эти, или закомары, фигурны и имѣютъ видъ раковинъ. Это и есть Архангельскій соборъ. Его постройка начата тоже въ княженіе Ивана III, а окончена въ 1509 году, въ княженіе его сына Василия. Строителемъ храма былъ Алевизъ, родомъ изъ Милана. Архангельскій соборъ стоитъ на самомъ гребнѣ Боровицкаго холма; окружающія его зданія спускаются уже по склону горы, такъ что онъ стоитъ какъ на ладони и виденъ издалека.

Наконецъ, направо отъ насъ находится третій соборъ, Благовѣщенскій, составляющій уже часть царскаго дворца. Его созданіе относится къ 1487 году. Онъ меньше остальныхъ соборовъ и ниже, но красивѣе ихъ по наружному виду. Ядро, такъ сказать, собора составляетъ тотъ же кубъ, увѣнчанный пятью главами, какъ и въ другихъ соборахъ; но съ боковъ его идетъ широкая крытая галлерей, или паперть, спускающаяся съ двухъ сторонъ лѣстницами на площадь. Наверху этой галлерей, по обѣимъ сторонамъ собора паходится по двѣ часовеньки, — придѣлы, увѣнчанныя каждая особой главою; такъ что на соборѣ всего девять главъ.

Этотъ соборъ соединяется посредствомъ сѣней уже съ царскимъ дворцомъ, именно съ набережными государевыми палатами. Онъ выстроень «на

Сѣняхъ», т. е. служить какъ бы домовою церковью дворца.

Вотъ передъ нами и самъ дворецъ, служившій предметомъ удивленія иностранцевъ.

Мы теперь, разъ уже видѣли богатыя палаты, не будемъ удивлены, что дворецъ представляетъ изъ себя цѣлый городокъ, — до того много здѣсь отдѣльныхъ церквей и зданій. Эта масса зданій разбросана безъ всякаго порядка. Постройки разнообразной величины, то тѣснятся другъ около друга, то возвышаются одна палъ другой. Пестрота увеличивается еще болѣе отъ разнообразныхъ покрытій: здѣсь мы видимъ такія же разнообразныя крыши, какъ и на томъ домѣ, который уже мы осмотрѣли, только здѣсь онѣ еще замысловатѣе, еще лучше. Вотъ крыша въ родѣ шатра съ прорѣзнымъ золоченымъ гребнемъ, вотъ въ видѣ огромной бочки, вотъ, наконецъ, такая же золоченая маковица, какъ на церкви. Надъ многими возвышаются узорочныя трубы, сложеныя изъ обливныхъ пзразцовъ, а тамъ, гдѣ нѣтъ трубъ, выстроены башенки съ орлами или львами, поворачивающимися во всѣ стороны отъ вѣтра.

Прямо передъ нами, на подклѣти, возвышается зданіе, называемое Средней, или Золотой палатой. Войти въ него можно по двумъ лѣстницамъ, изъ которыхъ одна особенно красиво украшена, съ шатрами, блестящими золотомъ, на рундукахъ и запирающаяся богатой золоченой же рѣшеткой. Эта

лѣстница зовется Большой Золотой, или Красной, и ведетъ на Красное крыльцо дворца.

По карнизу Средней Золотой Палаты идетъ надпись большими золочеными буквами. Ее можно прочесть: «Въ лѣто 7069 (1561) августа повелѣніемъ благочестиваго и христілюбиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, владимирскаго, московскаго, новгородскаго, царя казанскаго и царя астраханскаго, государя исковскаго и великаго князя тверскаго, югорскаго, пермскаго, вятскаго, болгарскаго и иныхъ, государя земли ливонскія, града Юрьева и иныхъ, и при его благородныхъ чадахъ, царевичѣ Иванѣ и царевичѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Россіи самодержцѣ», — нужно, конечно, подразумевать — создана была эта палата.

Направо отъ Красной лѣстницы, по которой государь ходилъ только въ торжественныхъ случаяхъ, стоитъ другое зданіе, называемое Грановитой палатой. Надъ ней сзади стройно возвышается золоченая крыша теремовъ.

По карнизамъ и подзоромъ зданій то въ видѣ ноесовъ, то но угламъ, то около дверей и оконъ расположена цѣлая сѣть рѣзныхъ украшеній. Всѣ эти листья, травы, цвѣты, изображенія птицъ и звѣрей чрезвычайно искусно вырѣзаны изъ бѣлаго камня.

Налѣво, за Благовѣщенскимъ соборомъ, уже къ склону горы, возвышается круглая каменная башня съ оградой. Внутри ограды разведенъ дворцовый

садъ, называемый Нижнимъ-Набережнымъ, въ отличіе отъ Верхняго, расположеннаго вслѣдъ за этимъ, но этажемъ выше.

Если бы намъ можно было проникнуть внутрь дворцовыхъ зданій, то за Грановитой палатой мы нашли бы площадку, называемую Боярской. Тамъ, между пріемными большими палатами государя и его жилыми покоями, въ которые шло особое Постельное крыльцо, было сборное мѣсто для младшаго дворянства и разнаго рода приказныхъ людей, которымъ надо было быть во дворцѣ. Здѣсь цѣлый день толнятся стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, подъячіе изъ всѣхъ приказовъ, жильцы. Здѣсь рѣшаются судебныя разбирательства, объявляются царскіе указы, касающіеся дворянскаго сословія, о разныхъ законодательныхъ мѣрахъ.

Здѣсь можно узнать изъ первыхъ рукъ всѣ новости, исходящія отъ Боярской Думы — собранія бояръ, засѣдавшихъ тамъ, внутри дворца, на Верху у государя.

Тутъ же на боярской площадкѣ было много ссоръ, столкновеній, кончавшихся обыкновенно тѣмъ, что потерпѣвшій или оскорбленный приносилъ государю жалобу о безчестьи.

Если мы видѣли, что у богатаго боярина дворъ представлялъ цѣлое помѣстье со службами и разными другими хозяйственными приспособленіями, то и у государя найдемъ то же, только въ большемъ размѣрѣ. Въ своемъ дворцѣ государь живетъ, какъ помѣщикъ: кругомъ его жилища всюду

разбросаны разных службы. Такъ, позади жилыхъ покоевъ царскаго семейства помѣщаются дворы сытный, кормовой, хлѣбные, — хранилища разныхъ съѣстныхъ припасовъ. При нихъ погреба, пивоварни, мыленка или баня. Вблизи верхняго набережнаго сада, главнымъ образомъ — фруктоваго, съ прудомъ, помѣщается Иконный теремъ, гдѣ живутъ придворные иконописцы.

Подъ горою, невдалекѣ отъ дворца, помѣщается принадлежащій къ нему Житный дворъ, примыкавшій къ угловой Водовзводной башнѣ Кремля, посылавшей изъ Москвы-рѣки воду во дворецъ.

Внутри зданія дворца, въ серединѣ, находится обширный дворъ съ церковью Спаса на Бору.

Если мы съ этого двора пойдемъ дѣльше, къ Предтеченскимъ или Боровицкимъ воротамъ, черезъ Гербовыя ворота, то на лѣвой рукѣ увидимъ другую церковь. Она называется — Иоанна Предтечи на Бору.

Названіе обѣихъ церквей «на Бору» показываетъ, что онѣ сначала были срублены, когда еще на холмѣ росъ боръ. Дѣйствительно, это — самыя раннія церкви на Москвѣ. Церковь Иоанна Предтечи собственно была самая первая постройка въ будущемъ городѣ.

Первоначально обѣ церкви были деревянные; но лѣтъ за 100 до того времени, какъ мы путешествуемъ по Москвѣ, онѣ были передѣланы въ каменные. Если бы мы видѣли церкви Новгорода или Пскова, то нашли бы много общаго по вѣшнему виду съ тѣми, которыя теперь у насъ передъ гла-

зами. Ихъ и строили новгородскіе мастера. Ояѣ отличаются вообще отъ московскихъ церквей тѣмъ, что имѣють восьмискатную крышу. Такихъ церквей въ Москвѣ очень немного.

Позади церкви Іоанна Предтечи отъ Иконнаго терема до самыхъ Боровицкихъ воротъ тянется каменная стѣна, такъ что ворота эти собственно принадлежать дворцу. Въ нихъ изъ дворца можно выйти, черезъ Неглинную, какъ разъ на то мѣсто, откуда мы въ первый разъ увидали Кремль.

Если мы обратимъ вниманіе на длинное, низкое зданіе, тянущееся по сѣвиѣ справа отъ Боровицкихъ воротъ и находящееся противъ церкви Іоанна Предтечи—Конюшенный дворець, то можно покончить съ обзоромъ зданій дворца и вернуться на старое мѣсто къ соборамъ.

Чтобы проститься съ Кремлемъ, взойдемте хотя на первый эгажъ Ивановской колокольни. Передъ нами Кремль, какъ на ладони. Подъ ногами—все та же полная разнаго народа Ивановская площадь, за ней—кельи и соборъ Чудова монастыря, далѣе дворы боярскіе и княжескіе, подходящіе къ самымъ Никольскимъ воротамъ.

Множество крышъ расписныхъ и фигурныхъ, скученныя постройки, между которыми цѣлая сѣть переулковъ и туниковъ, множество церквей съ кладбищами—таковъ видъ Кремля сверху. Отдѣльными, болѣе богатыми и красивыми зданіями выступаютъ соборы, дворець, патріаршія палаты, ворота Гербовыя, верховыя или придворныя церкви, приказы.

VI.

Перейдемте на другую сторону и кинемъ взглядъ на зарѣчную часть города.

Видъ представится но красотѣ изумительный.

Внизу, подъ холмомъ, тянется стѣна Кремля, обращенная къ рѣкѣ. По краймя ея — двѣ большія башни: направо—Водовзводная, налѣво—Свибловская. Все пространство подъ горой застроено. Справа—знакомый намъ Житный дворъ, неподалеку отъ котораго церковь Благовѣщенія, прислоненная къ башнѣ. Далѣе — цѣлый рядъ разнаго вида построекъ, наконецъ, въ лѣвомъ краю—церковь Константина и Елены, давшая названіе находящимся около нея уже знакомымъ намъ воротамъ.

А за зубчатой стѣной разстпается необъятный видъ на Замоскворѣчье. Рядъ слободъ, каждая съ своей церковью, сливаются въ цѣлый отдѣльный городъ.

Ближе къ рѣкѣ, нѣсколько влѣво отъ Кремля, цѣлую слободу населяють царскіе садовники, занимающіеся разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ и овощей для царскаго обихода. Прямо противъ— обширная и богатая слобода Кадашевская, съ дворами Монетнымъ и Хамовнымъ. На послѣднемъ кадашевцы ткутъ для государя двойные и тройные полотна и убрusy. Вообще—здѣсь сосредоточены различныя ремесленныя и служилыя слободы. Такъ слобода Толмачская (Толмачи) получила свое названіе отъ толмачей, служащихъ пере-

Даниломъ Александровичемъ; онъ принадлежитъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей, находящихся около Москвы.

Окинемъ еще разъ, на прощанье, то, что видимъ передъ глазами. Кстати и день уже клонится къ концу, и багровые лучи солнца оживляютъ пестроту разрисовки зданій.

Мы путешествовали долго по московскимъ улицамъ, видѣли, что онѣ и грязны и не всегда широки, видѣли дома богатыхъ и бѣдныхъ, видѣли деревянные и каменные церкви. Роскошь отдѣлки стоитъ рядомъ почти съ нищенскимъ нарядомъ; противъ какой-либо церкви, искусно украшенной поливными изразцами, пріютилась покосившаяся избушка—жилище убогихъ. Мы могли легко быть свидѣтелями, какъ изъ какого-нибудь богатаго дома вынесли бы и выбросили тутъ же, прямо на улицу, всевозможные отбросы—скарредный помегъ, и намъ пришлось бы пройти это мѣсто, по возможности удерживая дыханіе. Видѣли, наконецъ, мрачныя тюрьмы, колодниковъ, головы казненныхъ у Лобнаго мѣста—«у головъ», какъ его называли.

Однако, съ другой стороны, въ Москвѣ много красиваго, прямо—поразительнаго: громадныя стѣны Бѣлаго, Китая, наконецъ Кремля; всѣ эти ворота, бойницы, мосты, дѣлавшіе части города неприступными. Каменные сооруженія—частные дома и казенныя постройки, удивительны своими окнами, башнями, крыльцами, отдѣлкой стѣнъ и наличниковъ, чрезвычайно разнообразныя по украшеніямъ церкви и соборы, кончая такимъ чудомъ, какъ

Покровскій соборъ на Рву. Наконецъ, царскій дворець, этотъ замокъ, слѣпившій глаза отъ яркости красокъ и позолоты.

Сады, находившіеся, какъ мы видѣли, почти при каждомъ дворѣ, придавали еще болѣе красоты городу, очищая воздухъ и смягчая температуру какъ лѣтомъ, такъ и зимою.

Все это, вмѣстѣ взятое, придавало Москвѣ особую красоту и особый оттѣнокъ, дѣлая городъ наполовину восточнымъ, азіатскимъ. Иностранцы вообще оставили много описаній Москвы, и какъ бы сухо каждый изъ нихъ ни выражался, все-таки никто не отзывается о ней отрицательно. Наоборотъ, очень многіе посвящаютъ цѣлыя страницы восхваленію красотъ города.

Народъ тоже любитъ Москву, называя ее «матушкой», «бѣлокаменной», «златоглавой».

Бѣлокаменной или просто каменной зоветъ онъ Москву потому, что каждый государь старался позаботиться—придать красоту своему стольному городу и возводилъ все новыя и новыя каменные постройки, не считая укрѣпленій.

Иностранцы поражались еще тѣмъ, что Москва, во-первыхъ, очень велика, т. е. занимаетъ очень большую площадь, во-вторыхъ, что въ ней чрезвычайно много церквей.

Дѣйствительно, по площади Москва занимала громадное пространство, а съ пригородами—почти равнялась современной. Не забудемъ, что каждый мало-мальски зажиточный горожанинъ имѣлъ не домъ, а цѣлую усадьбу. Всѣ эти сады, огороды,

мельницы и пруды увеличивали городскую площадь.

Что касается обилія церквей, то иностранцы, насчитывая ихъ тысячами, тоже не ошибались. Приходскихъ церквей было, дѣйствительно, много, но число ихъ увеличивали, главнымъ образомъ, домовыя церкви, выстроенныя, какъ мы видѣли, на каждомъ богатомъ дворѣ. Эти домовыя церкви и часовни, разставленныя всюду по крестцамъ, и заставили иностранцевъ удивиться этому обилію въ Москвѣ Божьихъ храмовъ.

Прошли сотни лѣтъ, были пожары, непріятельскія нашествія, и Москва должна была измѣниться. Немногое, какъ мы уже говорили, осталось въ ней отъ далекой старины. Иѣтъ стѣнъ уже ни Земляного, ни Бѣлаго города, иѣтъ многихъ древнихъ храмовъ, а иные передѣланы и ничѣмъ не напоминаютъ старинныхъ, засыпаны пруды и рѣчки, сражены косогары, безъ слѣда уничтожены частныя дома; но старина продолжаетъ жить въ названіяхъ мѣстечекъ и урочищъ Москвы. И теперь каждый москвичъ знаетъ, гдѣ находятся Садовники, Кадаши, Козье болото, Гончары, и теперь остались за церквами прозвища, указывающія, что онѣ построены «на Глинницахъ», «въ Кленникахъ», «на Бору»; вмѣсто Лебяжьего пруда, на Неглинной, теперь тамъ Лебяжій переулокъ; да и много еще такихъ названій, соединенныхъ чуть не съ каждой старинной церковью, съ каждымъ переулкомъ.

Соколинский мун.	100	Сок	Соколинский мун.
Косино мун.	101	ВАО	Соколиная Гора мун.
Переделкино мун.	102	ЗАО	Солнцево мун.
Филинский мун.	103	ЮЗАО	Строгино мун.
Северное мун.	104	ЮАО	Таганское упр.
Южное мун.	105	ЮАО	Тверское упр.
Текстильщики мун.	106	СВАО	Текстильщики мун.
Теплый стан мун.	107	СВАО	Теплый стан мун.
Тимирязевский мун.	108	ЗАО	Тимирязевский мун.
Тропарево-Никулино мун.	109	ЮАО	Тропарево-Никулино мун.
Филевский парк мун.	110	ВАО	Филевский парк мун.
Фили-Давыдково мун.	111	ЮВАО	Фили-Давыдково мун.
Хамовники упр.	112	СЗАО	Хамовники упр.

им. Н. А. Некрасова

ЦГПБ

ун.

н.

дома, въ подклѣти. Подклѣти находились и подъ передними сѣнями, и подъ столовой палатой, и подъ спальнями, и подъ другими комнатами. Поэтому палаты и назывались выстроенными „на жилыхъ подклѣтяхъ“.

Пора намъ теперь покинуть эти княжескія палаты. Мы уже достаточно познакомились съ ними въ общихъ чертахъ. Мы увидали, что дворъ—это цѣлое номѣстье, усадьба, въ которой хозяинъ, дѣйствительно, живетъ „своимъ домомъ“; въ немъ онъ полновластный хозяинъ, владыка цѣлаго штата подданныхъ, начиная съ близкихъ домочадцевъ и кончая послѣднимъ слугою. Время отъ времени онъ отправляется „въ городъ“, т. е. въ Китай-городъ, чтобы сдѣлать себѣ оптомъ необходимыя закупки, а остальное время сидитъ дома или, если онъ человѣкъ служилый, посѣщаетъ царскій дворецъ и думу.

Выйдемъ снова на улицу и будемъ продолжать путь вдоль по теченію Неглинной, огибая Кремль.

На правомъ берегу мелькнуть мимо насъ Борзицкія или Предтеченскія ворота Кремля, затѣмъ, послѣ длиннаго прясла стѣны — Троицкія съ мостомъ, начинающимся на нашемъ берегу овальной стѣной, крытой на четыре ската — Кутафьей, за которою, опять черезъ прясло — высокая круглая башня, и Кремль кончился.

Имѣя въ виду, что за нимъ, сейчасъ же, мы увидимъ башню краснаго цвѣта стѣну, приземистый чѣмъ кремлевская, съ толстыми зубцами и широкими гдѣ круг-

водчиками при приѣмѣ пословъ у государя. Одни изъ нихъ знаютъ по-гречески и требуются всякій разъ, когда во дворцѣ принимаются посольства отъ восточныхъ греческихъ патріарховъ, другіе — по-латыни, такъ какъ этотъ языкъ употреблялся въ сношеніяхъ съ цесарскими послами, приѣзжавшими въ Москву съ запада, и третьи — по-татарски, потому что сношенія съ Ордою были постоянны. Наконецъ, въ правой сторонѣ находится церковь съ принадлежащими къ ней роскошными каменными палатами боярина Беклемишева-Версена.

За Москвой-рѣкой поселено было и стрѣлцкое войско. У него была особая слобода, съ своими каменными церквами.

Все это множество домовъ, то въ родѣ простыхъ избъ, то украшенныхъ фигурными рѣзными изображеніями, выкрашенными разной краской, съ пестрыми крышами, далеко тянется за Москву-рѣку, перерываясь зелеными группами садовъ. Тянутся они до самой деревянной стѣны, служащей какъ бы продолженіемъ той, что окружаетъ земляной городъ; и концы ея приходятся на берегахъ рѣки какъ разъ другъ противъ друга.

А за стѣною тянется цѣлая линія укрѣпленныхъ монастырей, возвышающихъ на самомъ горизонтѣ свои высокія колокольни и золотыя главы. Мы уже знаемъ, какъ они зовутся. Замѣтимъ, если только найдетъ нашъ взоръ, небольшой монастырь, паходящійся немного влѣво отъ нашей точки зрѣнія. Это монастырь Даниловскій, основанный, по преданію, первымъ московскимъ княземъ